

мч-2
«Сибирский вестник политики, литературы и общественной жизни» (Томск), 1893, 28 апреля № 47
с. 1. Литературная беседа.
(...) Рассказ неизвестного человека А. Чехова

ренции. За последнее столетие насчитывается до 60 решений третейским путем споров между государствами. Трактаты заключаются или для решения какого-либо определенного спора, или для определенного рода решений или, наконец, представляют собой признание обязанности вообще международного третейского суда. Последний характер носят договоры Соединенных Штатов с Швейцарией (1883), Вашингтонский (1890), представляющий собой международный закон для всего Нового Света. По Вашингтонскому договору выборы третейских судей делятся совместно заинтересованными сторонами. Всякое правосудие может быть судьей, лишь бы оно состояло из дружественных сношений с стороной противной для того, кто его изберет. Судьями могут быть обыкновенные судьи, ученые корпорации, должностные, просто частные лица, независимо от того — граждане ли они избирающего их государства. Договор остается в силе на 20 лет, может быть и продолжен в случае согласия. 19 ст. его предусматривает приступление к нему всякой иной неамериканской державы. В Европу сочувственно отнеслись к договору Дания, Швейцария, более сочувствия нашлось в общественном мнении Англии, Франции. Орган долженствующий быть созданным для международных отношений должен быть юридическим, а не политическим, — суд, а не парламент. Только первый, по словам Дрейфуса, может выяснить много недоразумений, разсвистать предубеждения и успокоить переходящее раздражение страстей. Установление исполнительской власти трудно, да и едва ли желательно, лучше в данном случае положиться на чувство чести народов, более живое, чем в частных лицах. Успехам идеи международного суда много содействует наука. Не говоря уже об отдельных ученых, высшие ученые общества обращают на вопрос о суде усиленное внимание, назначают премии для лучших о нем сочинений. В истекшем году французская академия нравственных и политических наук рассматривала семь работ о международном суде, представленного на соискание премии. Докладчиком о них явился известный Дежарден, по работ которого проф. гр. Комаровский знакомит нас в «Р. М.» с интересующим вопросом. — Капитальной вещью рассматриваемой книжки «Рус. М.» является оконченный «Рассказ неизвестного человека» А. Чехова. По форме «Рассказ» положительно незначителен, даже странен, многое в нем неясно, непонятно. Судите сами: никто «неизвестный человек» в молодости имевший изумительные похождения, «изнемогший под тяжестью подвигов на себя, подобно библейскому силачу, Гаскиль вороте» поступает в лакея к сыну из-

вестного государственного человека — своего смертельного врага с тем, чтобы находясь около сына, выведать тайны отца. «Рассказ» оставляет тяжелое впечатление мрачностью колорита, духа и наводит на размышление серьезностью затронутого вопроса. Вопрос этот вечно новый и вечно старый: «чем мы живы». Нашему поколению, говорит выдающийся персонаж рассказа Орлов, крышка. Мы ослабли, опустились, пали, но чего же нам особенно беспокоиться? Все обосновано и все необходимо. Мы невращенники, вислики, отступники, но быть может это нужно и полезно для тех поколений, которые будут жить после нас. Тут, надо думать, причины большие, общие, имевшие с точки зрения биологической свой солидный *raison d'être*. Суровое, печальное резюме. Но кому оно принадлежит? Вот как Орлов характеризует героя, от имени которого ведется рассказ. «... Не успев начать жить, вы поторопились сбросить с себя образ и подобие Божие и теперь как трусливое животное жметесь в овраги и питаетесь падалями. Когда вы при мне глумились над идеями, которыми, якобы, все вы были известны, то я видел в вас дезертира, который позорно бегал с поля битвы, но чтобы заглушить совесть, смеялся над войной и над храбростью. Цинизм заглушает боль. Вы гадко и пошловато пошмиваетесь над идеями добра и правды, потому что уже не в силах вернуться к ним...» Сила приговора, раз она идет из уст такого человека, как Орлов, значительно ослабляется и приобретает характер низкопробного самооправдания. В тираде Орлова некоторые увидели, т. е., *profession de foi* автора и порицали, что от Чехова ждать более нечего, из величины неизвестной, обихающей он превратился в нечто высказавшееся, печально-ясное. Нельзя сказать, что бы последней вещью г. Чехов дал что-нибудь неожиданное. Почти на всех больше или менее крупных произведениях его лежит характерный флер утомленности, пессимизма, есть он и в «Рассказе неизвестного человека». Мало бодрящих впечатлений дает читателям Чехов, но его ли в том вина? Как художник-автор правдиво отображает жизнь. Разве не типические явления современной действительности Иванов, Львов, старый профессор, Орлов, Лаевский, Фант-Корень, «неизвестный человек»? Подъ приведенной тирадой Орлова поднимается большинство адептов «положительного знания», торжествующее успехи его, врывающиеся в прогресс при данном направлении. Чехов изображает по преимуществу отрицательные стороны действительности, но можно ли понять зло, пошлость, надорванность, мелочность, не знание добра, величия, бодрости, нравственной чистоты, а тем

болѣе такъ глубоко, захватывающе—интересно воспроизвести ихъ, какъ дѣлаетъ то Чеховъ. Только свѣтъ положительнаго идеала даетъ возможность вѣрно понимать и отрицательную дѣйствительность. Нѣтъ... у Чехова есть идеалы, какъ были они и у Гоголя и у Салтыкова, только свойство таланта, качество дѣйствительности не даютъ имъ отражаться ярко, рельефно. Выносить смертный приговоръ Чехову, какъ писателю ничего положительнаго за душой неимѣющему, несправедливо. Такой талантъ долженъ имѣть его, иначе творчество немислимо, если не понимать его какъ нѣчто безразличное, механическое. Талантомъ, несомнѣннымъ творчествомъ отмѣчены большинство произведеній Чехова, каждая новая вещь его съ первыхъ страницъ привлекаетъ вниманіе чѣмъ-то незауряднымъ, сильнымъ, интереснымъ. Таковы и «Рассказъ незнакомца», «Герой», отъ имени котораго ведется рассказъ и Орловъ очерченъ ярко, типично, тоже можно сказать и о Зинаидѣ Федоровнѣ. Глубокая любовь послѣдней къ Орлову изображена съ захватывающими драматизмомъ, психологическою точностью.

Новыя интеллигентныя земледѣльческія колоніи чаще и чаще дѣлаются предметомъ литературныхъ обсужденій. Изъ выдающихся произведеній этого рода можно указать на статью Исаева, появившуюся въ «Р. М.» за минувшій годъ, теперь предъ нами въ «Русскомъ Богатствѣ» статья Кривенко «Культурные скиты». Авторъ описываетъ Харьковскую, Киевскую, Самарскую, Шавельскую колоніи. Въ онѣ или влачатъ свое существованіе или гибнутъ, не успѣвши расширяться. Сойдутся люди для серьезнаго труда, но мало имъ занимаютъ: хозяйство разстраивается, возникаютъ разногласія, вражда, члены одинъ за другимъ уходятъ и колоніи какъ ни бывало. Многіе думаютъ, что неудача колоній происходитъ отъ того, что интеллигенція не можетъ работать физически. Разумѣется нужны привычка, усилія и подчасъ серьезныя, но для молодежи ничего невозможнаго тутъ нѣтъ. На западѣ, въ Америкѣ общины, подобныя возникающимъ у насъ, достигаютъ замѣчательнаго процвѣтанія. Покойный Энгельгардъ думалъ, что интеллигентный человѣкъ при прочихъ, равныхъ условіяхъ сдѣлаетъ даже болѣе, чѣмъ простой рабочій, онъ относится сознательно къ каждому своему движенію и утилизируетъ вполне свою мускульную силу. А вотъ и фактъ. Въ одномъ изъ земскихъ сборниковъ Черниговской губерніи читаемъ: «насколько работа интеллигентнаго человѣка при прочихъ, равныхъ условіяхъ можетъ быть продуктивнѣе работы крестьянина это видно на «буковцахъ» («Буково») —хуторъ недалеко отъ имѣнія Энгельгарда, гдѣ жили общинной человѣкъ десять интеллигентныхъ лицъ. Когда они работали, любо было смотрѣть: